

Список литературы:

1. Беньямин, Вальтер. К критике насилия / Вальтер Беньямин [Электронный ресурс] / сокр. пер. с нем. И. Чубарова // Культиватор. – 2011. – № 1. – С. 114–126. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/kultivator/kultivator-1/10999-valter-benyamin-k-kritike-nasiliya.html>. – Дата доступа: 08.10.2021.
2. Бродель, Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. – М.: Прогресс, 1986. – 624 с.
3. Доктор Сьюз. Хроника бутербродной войны / пер. В. Борисова. – М.: 2017. – 26 с.
4. Оруэлл, Джордж. 1984. / пер с англ. В. Голышева. – М.: Изд-во АСТ, 2021. – 318 с.
5. Свифт, Дж. Малое собрание сочинений / Джонатан Свифт – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 608 с.
6. Свифт, Дж. Путешествия Лемюэля Гулливера: Роман / пер. с англ. Б.М. Энгельгардта. – СПб.: Изд. группа «Лениздат», 2014. – 320 с.

Малахов Д.В.

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «СВИДЕТЕЛЬСТВА»
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ**

Ключевые слова: Холокост, феноменология, герменевтика, событие, свидетельство, оправдание, Деяние.

Специфика нацистских лагерей смерти и актов тотального уничтожения еврейского населения указывает на уникальную черту исторической памяти Беларуси: в духовную, социально-политическую и историко-культурную сферы бытия белорусского общества вступает событие Холокоста, изменившее весь культурный строй послевоенной Европы. Исторически судьба белорусского народа оказалась глубоко переплетена с судьбой народа Израиля и, в конечном счёте, белорусы разделили с ним подвиг и жертву, войдя в события Войны, «огненных деревень», лагерей смерти и массовых казней.

Обращение к феноменологии применительно к актам свидетельствования о Холокосте имеет под собой ряд оснований. Феноменологический метод, будучи обеспечен такими процедурами, как семантический анализ символов, порядок переживания “насыщенных” феноменов и конституирования коррелятивных им комплексов значений, установление закономерностей корреляции внешнего (исторически объективного) и внутреннего (исторического субъективного) времени и т.д., позволяет выявить предметные сферы, которые прежде не рассматривались при изучении феномена свидетельства в качестве приоритетных – историко-культурные и теологические горизонты личного свидетельствования. Поясним в общих чертах принцип феноменологического обращения к фигуре свидетеля и акту свидетельства.

Попытки западной философии осмыслить Холокост не связываются с вопросами, которые могут указать на истинное значение этого события: *что именно сделали жертвы, а не их палачи? может ли запредельное*

претерпевание физических и духовных мук быть воспринято и осознанно как действие, Деяние? В случае отчётливой и корректной постановки данных вопросов и принятия их философской “легитимности”, возникают новые формы рассмотрения свидетельств о Холокосте: воспоминания выживших и письменные документы, описывающие факты и механизмы тотального уничтожения, предстают не столько обвинительными и изобличающими преступления нацизма актами, сколько свидетельствами о сущности духовно-исторической судьбы народа Израиля и народов, разделивших с ним эту судьбу. В данном контексте белорусская философская мысль оказывается в ситуации необходимости ответа на вызов мысли европейской, поставившей перед собой и миром “проклятые” вопросы: как после Холокоста можно жить, мыслить, творить, любить, заботиться, верить? как, исходя из события Холокоста, оправдать догматические основания христианства? Указанные вопросы получают неожиданный ракурс в контексте феноменологического раскрытия смысла акта свидетельства: какова сущностная природа Деяния народа Израиля в?

Примером свидетельства может служить творчество нобелевского лауреата Эли Визеля, юношей пережившего Освенцим. В рассказе «Первый гонорар» он вспоминает слова безымянного учителя, ставшего в лагере *его* учителем Торы: «...все раввины, все мудрецы, все святые с самого начала нашей истории готовились к тому, что здесь происходит. Здесь наша новая иешива, новый дом Торы и Шехины» [2, с. 81–82]. Примером является и уникальный человеческий документ истории XX века, а, возможно, и человеческой истории в целом – молитва неизвестного еврейского узника Дахау, записанная им на клочке обёрточной бумаги: «Мир всем людям злой воли! Да перестанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию. Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников. Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли, мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, улыбку, осушавшую слёзы, их любовь, их истерзанные, разбитые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой смерти, даже в моменты крайней слабости. Положи всё это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности. <...> И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей <...>» [3, с. 5].

Г.С. Померанц говорит о «бессильной силе» этой молитвы, врачующей умы и сердца, но неспособной стать символом мести нацизму

и квинтэссенцией памяти о героическом сопротивлении ему [4, с. 343]. Однако, именно личностная история вознесения этой молитвы как духовной истории народа Израиля недооценивается Г.С. Померанцем – сила, указывающая на конкретные и в принципе не унифицируемые обстоятельства моления. Следует спросить: кто именно молит о прощении того, что простить нельзя? что прошёл этот человек и этот народ в истории, чтобы иметь силу молитвы о таком Даре? В данных вопросах свидетельство раскрывается как свидетельство-исповедание, в котором говорится не только о совершаемых злодеяниях, но и о смысле завета Бога и народа Израиля. Прощение даруется не от лица человека и не по его воле (мера зла такова, что человеку не дано права простить), но от Лица единства человека и Бога, который пребывает *ближайшим* в том “месте”, откуда возносится молитва. Это определяет свидетельство-исповедание как действие-оправдание собственной исторической судьбы и как действие-дар.

Свидетельство-исповедание ставит эпистемологию свидетельства в совершенно иное положение, нежели полагает Дж. Агамбен, задающий в Европе философский тон в отношении Холокоста и усматривающий в онтологии “топоса” свидетельства (в существе его места, времени и обстоятельств) преимущественно «серую зону» – лишённый Слова и Мысли *анти-мир* умирающего бытия, смерти как таковой – неотвратимой, бессмысленной и окончательной [1]. Полагаем, что действительным “топосом” свидетельства о событии нацистских лагерей смерти является не только и не столько указанная им “серая зона”. Безымянность и бессилие свидетеля, а в нём и всех тех, о ком он свидетельствует, не означают отсутствие имён, смысла, истины и силы: анонимность и бессмысленность претерпевания зла располагаются лишь в наших представлениях. Школьный учитель у Э. Визеля безымянен до тех пор, пока мы не вникнем в его слова во всей их духовно-исторической глубине: «Здесь, дружок, у нас нет выбора. Хотим мы того или нет, каждый из нас должен быть одновременно и раби Йохананом бен Закай, и раби Акивой, и раби Йегудой» [2, с. 81]. Каждый безымянный свидетель, а также те, кто сохранил свои имена для будущего, взывают к нашей способности спросить себя: не объединяют ли судьбы этих людей все имена Писания и все имена Израиля? не восходят ли они к тому *Единственному Имени*, которое не призывалось еврейским народом в лагерях смерти?

Ответив утвердительно, мы нивелируем господство идеи “серой зоны” как своеобразного социально-онтологического конструкта, обуславливающего парадигмы ценностной идентификации события Холокоста в исторической памяти стран Запада, откажемся от дискурса исторической памяти как осознания вины не только по факту (как народ, прекративший действие лагерей смерти), но также интеллектуальным образом – в мысли, убеждённой в возможности обретения истины о *Жизни*, торжествовавшей в лагерях смерти. Феноменология в данном случае выступает методологическим обоснованием понимания исторической памяти как формы пере-

живания её истинного смысла, конституируемого как бы “заново” в настоящем времени. Постулат об абсолютной духовной и экзистенциальной значимости переживаний смысла исторического события указывает на специфику понимания исторической памяти как личностной и общественной формы *полагания* смысла истории. Можно сказать, что феноменология в качестве абсолютно-значимого смысла центрирует духовные интенции личности и социума, обуславливает жизненность сознания субъекта исторической памяти. Целью такого полагания-конституирования является, по выражению известного феноменолога А. Шютца, мир, светящийся смыслом.

Список литературы:

1. Агамбен, Дж. Homo Sacer. Что остаётся после Освенцима: архив и свидетель / Дж. Агамбен. – М.: Европа, 2012. – 192 с.
2. Визель, Э. Следующее поколение / Э. Визель. – М.: Текст, 2001. – 191 с.
3. Молитва // Вестник Европы. – Т. XV. – 2005.
4. Померанц, Г.С. Живые и мёртвые идеи / Г.С. Померанц // Погружение в трясину (Анатомия застоя); сост. и общ. ред. Т.А. Ноткиной. – М.: Прогресс, 1991. – С. 311–345.

Мацевич М.Я, Валеитенок В.В.
«ЧУДО» КАК АРГУМЕНТ ВЛАСТИ

Ключевые слова: «чудо», реальность, позитивизм, постпозитивизм.

Тезисы представляют собой критический обзор понимания, обсуждения «чуда» современной гуманитаристикой. В самом прямом смысле чудо – необычное, неожиданное, наблюдаемое событие, вызванное прямым божественным вмешательством. Основное внимание в этом исследовании уделяется ключевым концептуальным, эпистемологическим и теологическим вопросам, продолжающим подниматься посредством заданного определения чудесного. Поскольку заявленная тема представляет для ученых как экзистенциальный, так и теоретический интерес, нет никаких оснований полагать, что концепция чуда не будет продолжать являть постоянный интерес и для философов.

В философии чудес есть два главных вопроса: метафизический, гносеологический. Метафизический вопрос – вопрос о свершении чуда; эпистемологический – вопрос об оправдании чуда. И тот и другой предполагают ответ на третий вопрос, а именно, на вопрос о том, какого рода события или явления считаются чудесами. Философы, желающие доказать рациональность веры в Бога, часто также используют стратегию «Бог из машины». Основываясь на аргументах теологии и философии науки, чудо может быть определено как: 1) реальное, индивидуальное событие, возникновение которого должно быть (или должно было быть) в принципе поддающимся эмпирической проверке; 2) событие, должно быть чрезвычайно необычным или исторически беспрецедентным с точки зрения эмпирического научного зна-